

18+

АНДРЕЙ ЗОИЛОВ

ШТУКА ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей Зоилов

Штука литературы

«Издательские решения»

Зоилов А.

Штука литературы / А. Зоилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988311-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Литература — это такая штука... Непростая штука.
Она иерархична, как государство, или так же безразлична ко всякому
подчинению, как цветущий сад? Быть неизвестным писателем — почётно
или постыдно? Что побуждает внешне солидных людей писать чепуху и
публиковать глупости? «Штука литературы» — это не ответ на все подобные
вопросы, но это — плодотворные поиски ответа.

ISBN 978-5-44-988311-7

© Зоилов А.

© Издательские решения

Содержание

Повод для работы	6
Причина работы	9
Отступление: литература как персональное пособие по технике решения этических задач	13
Математическая база литературы	21
Некоторые поясняющие цитаты к предыдущей главе	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Штука литературы

Андрей Зоилов

© Андрей Зоилов, 2020

ISBN 978-5-4498-8311-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повод для работы

Формальным поводом для появления этой книги послужило следующее событие. Со своей женой я обсуждал проблемы оценки качества неизданного художественного текста. Вернее, пытался обсуждать...

Она – издатель, выпустила в свет уже более сотни разнообразных книг. Владея интернетом на уровне опытного пользователя, не программиста, берёт деньги с досужих, слабее владеющих навыками работы в сети авторов, которые хотят увидеть свою виртуальную книгу на каких-нибудь книготорговых сайтах. Вот это сомнительное удовольствие им и обеспечивается. Кроме того, если автор захочет и бумажный вариант книги получить, то моя благоверная договаривается с местной типографией, отсылает туда файл и забирает небольшой тираж, изготовленный за авторские же деньги – и наш семейный бюджет не забывая при этом пополнить. А я воображаю себя редактором, и – когда ей дают в работу рукопись, – вычитываю текст, потому что никакой уважающий себя книготорговый сайт не захочет получить текст, изобилующий грамматическими, стилистическими и пунктуационными ошибками. Но от официальной должности в её издательстве, я наотрез отказываюсь, как и от всякого упоминания моего имени в тексте будущей книги. Мне стыдно. И того, что приходится отказывать любимой жене, работая исподтишка лишь из одолжения к ней; и того, что приходится иметь дело с отвратительными, корявыми, косноязычными текстами, подогреваемыми только авторским тщеславием. Некоторые образчики этих текстов вы найдёте в конце книги, в «Приложении». Можно посмеяться – конечно, только тем, кто такой жанр любит.

И вот мы обсуждали проблемы оценки качества неизданного художественного текста. Вернее, я пытался об этом говорить...

Ей накануне позвонила какая-то тётка; судя по слышанным мною репликам – потенциальная клиентка. Так и оказалось – клиентка. Тётка сказала, что пришлёт фрагменты своих произведений, чтобы «издатель мог оценить их». Примерно так сказала. И, когда телефон умолк, и моя рассказала мне, в чём дело, я заметил, что присылать фрагменты излишне. Гораздо продуктивнее сразу прислать все произведения и передать деньги заодно. Что же касается тёткиных текстов, то продать их, безусловно, нельзя, и художественной ценности они не представляют; а книгу издать, безусловно, можно. И что клиентка не владеет техникой художественного письма. Потому что ни один здравомыслящий и уважающий свой труд литератор не станет издавать свою книгу за свой же счёт. Единственное исключение – когда этот литератор находится на тропе войны: либо с равными противниками, и тогда он за свой счёт издаёт памфлеты, либо с государством – и тогда он за свой счёт изготавливает самиздат. А в завлекающие и доящие клиентов издательства продуктивный и умелый автор не пойдёт, как не пойдёт счастливый человек в публичный дом. Если он счастлив, то у него дома есть свободный секс, объединённый с любовью, и тогда продажный ему попросту не нужен. Так и писатель: если он мастеровит, удачлив и творчески состоятелен, то у него есть площадки для публикаций, и даже с гонораром. А если таких площадок нет, то он всё равно в достаточной мере ценит свой труд и раздавать его результаты бесплатно не станет.

На это моя жена сказала, что «мы с нею очень разные», и что она «не теряет надежды получить что-нибудь интересное». Я в ответ только хмыкнул. Конечно, мы очень разные. У меня – борода и длинные волосы, а она стрижётся коротко и очки носит. Я работаю на маленьком заводе прислугой за всё – шесть дней в неделю, и устаю очень. А в свободное время редактирую, или вот, пишу. А она работает в крохотном книжном магазине, открывая его, когда захочется, и ещё книжки издаёт. Мы сошлись в зрелом возрасте, за пятьдесят уже каждому, и поэтому стараемся беречь друг дружку. Во всяком случае, я. Как она бы добавила: «во всяком случае, ты так утверждаешь. А как на самом деле – посмотрим». И это верно.

Но проблема оценки качества неизданного текста всё равно осталась. И вот в свой выходной на кухне я опять вернулся к этой проблеме. Чтобы сочинить текст, привлекающий незнакомого автору постороннего читателя, необходимо... Чёрт подери, что же необходимо?! Знаю: необходима необходимость! В мире существует огромное количество зафиксированных текстов, каждый из них кто-то зачем-то написал. Следовательно, у автора был некий импульс, побуждение, стремление, стимул. Стимул – это острая палочка, которой в Древнем Риме подталкивали вола, чтобы он интенсивней тянул плуг по пашне. Вот и всякого автора что-то куда-то укололо. О том, что и куда – будет разговор отдельно. А пока вопрос: обязательно ли получаем ли мы, современные читатели, Великие Оценивающие всего, именно те слова и в той последовательности, которую задумал автор? Нет, разумеется, не обязательно. На автора и на текст, прежде чем мы с ним ознакомимся, могут быть оказаны различные влияния – от уговоров, физического воздействия и избиения по морде до вычёркивания, вынужденного редактирования и внесения опечаток. Таким образом, итоговый получаемый читателем текст – это суммарный результат устремлений автора и внешних обстоятельств, как его, так и читательских. Например, если моя жена прочитает этот мой текст, то она может обидеться. И либо я сам его поправлю прежде, чем ей покажу; либо она потребует поправить, но только после того, как прочитает (а я для этого и пишу, потому что изустных слов моих она слушать не захотела). И тогда у меня возникнет дилемма: потребовать от неё оставить текст в неприкосновенности и издавать как есть («ты же хотела издать – вот и издавай!») или согласиться и поправить – и тогда вы, читатели, не узнаете того, на что я хочу вам пожаловаться.

Я всё-таки попытался выяснить, как же она сама оценивает тексты, с которыми работает. По каким критериям? Уже сотню электронных книг выпустила с помощью интернет-распространителей, шестьдесят две из них – помогла отпечатать на бумаге. И желающие ещё остались. Вот, звонят. Интересно, что же ими движет? Но на эти вопросы моя половина отвечать отказалась, гневно заявив: «Мне это не интересно! Абсолютно не интересно! Отстань, отвяжись!» И рассердилась. И я понял: лжёт. Обычно моя жена обманывает меня так, что я этого совсем не замечаю. А тут неправду говорит прямо в глаза, с вызовом. Интерес у неё, очевидно, есть. Чтобы это установить, достаточно послушать, как она с клиентами разговаривает. Уважительно, вежливо, полностью подавляя раздражение. С учётом мнения и взглядов плательщика. А я приношу в дом больше денег, чем десяток заказчиков, да и ближе нахожусь, чем все они, вместе взятые – и она радостно может позволить себе раздражения не сдерживать, взглядов не учитывать, да и мнения своего не формулировать. Но проблема-то осталась! Даже если мы расплёмся, я окочурюсь или овдовею – проблема оценки качества неизданного текста останется. И не только художественного. Но неопубликованный нехудожественный (технический, научный) текст обычно рассматривают специалисты в соответствующей области, и именно они определяют полезность, уместность, новизну и прочие качества текста. Художественный же опус оценивают посторонние читатели, Великие Оценщики всего, и именно они голосуют за успешность труда автора рублём или хотя бы отзывами. Конечно, и специалисты оценивают художественный текст. В первую очередь это подлинные издатели, то есть те, кто рискует своими деньгами, выпуская книги, то есть пачкая листки бумаги типографской краской или заполняя сайты текстовыми файлами – а потом, в воздаяние за эти усилия, возвращая себе деньги от читателей сам-пять, сам-двадцать или даже стократно. Когда рискуешь своими деньгами и своим временем – профессионализм вырабатывается. Когда денег оказывается больше, чем можно потратить за всю пенсионерскую жизнь – профессионализм утрачивается. К сожалению, эту максимум я не могу проверить на себе.

Вот так родилась эта книга. Я составил её из различных литературных историй, пространных цитат, поясняющих и иллюстрирующих мои собственные мысли, и своих статей, написанных в разное время для различных изданий. Написанных – и опубликованных, замечу я; и хотя во многих случаях публикации были безгонорарными, но доплачивать за них мне ещё не при-

ходило. И, даст Бог, не придётся. Потому что на тропу войны пожилой еврей выходит только в случае крайней необходимости, – а вся моя молитва к Господу как раз в том, чтобы такой необходимости не возникло до самого момента угасания сознания.

Причина работы

*Любая достаточно большая сумма знаний превращается в науку,
если знания систематизированы.
Виктор Суворов, «Самоубийство».*

То, о чём говорилось – только повод. Не причина. Но работая много лет с каким-то предметом или явлением, нельзя не думать о нём. Хотя изредка. А обдумывая, замечаешь некоторые особенности, закономерности, последовательности, правила. Мне довелось в жизни много работать с литературой. Литературные объединения, литературные тусовки, Литературный институт, редакции, издательства... Я там был, я там ел, я там деньги получал. Потом тринадцать лет я продавал русские книги на центральной автобусной станции Тель-Авива, – и продал их, наверное, большой железнодорожный вагон. Или два вагона. Тысячу евро в месяц получал я, и тысячу евро в месяц получал мой начальник, владелец магазина (это не считая всяких накладных расходов: оплаты заказываемых книг, оплаты арендованного помещения и счетов). На ежемесячную тысячу евро в Израиле можно прожить – пусть не шикарно, но и не очень скудно. Потом у толстого начальника появились другие интересы, другие аферы – и он презрел мои усилия, бежал в Америку, завещав магазин своей брошенной туповатой жене. Мы с ним рассорились, и теперь каждый день, когда мы не видимся, я смело могу пометать в календаре красным цветом – и весь календарь прекрасен уже шесть лет. Теперь в этом магазине подвизается моя нынешняя жена – да послужит эта книга удачной рекламой ей и всем её начинаниям.

Что же такое литература? То, что вы понимаете под этим словом. Пока не дана более или менее точная формулировка понятия – это понятие не определено и расплывчато, и всякий Великий Оценивающий может трактовать его по своему вкусу. Это явление окружающей всех нас действительности, которое сохраняется даже после исчезновения личности меня, Великого Оценивающего. В первом приближении – это совокупность всех существующих различных текстов. Можно посмотреть в словаре. Особенность ситуации в том, что сочиняя словесную формулу для определения некоего понятия, определяющий невольно сообщает и некие свойства этого самого понятия. К примеру, он говорит о своём отношении к описываемому явлению или феномену, о его внутренней организации, о его возможном будущем, ну – и о чём угодно ещё. О чём угодно – но чуть конкретнее, чем до определения. У Достоевского, помнится, в одной из книг я увидел фразу о Невском проспекте «вся литература ходит». Стало быть, в его восприятии литература в какой-то момент была понятием одушевлённым.

В Интернете публиковались данные опроса «Что такое современная литература?» Этот опрос проводила профессор Мария Черняк, сотрудница РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). Вот любопытные ответы: «Современная литература – это попытка автора описать нашу сумбурную действительность, сдобрить нетривиальными героями с породистыми тараканами и приправить всё это извечными проблемами». «Современная литература – это краеугольный камень непрофессионализма со скороспелостью, жадной наживы». «Современная литература больше разобщает, чем воспитывает; чтиво на один раз». «Это большая помойка, но и на ней иногда удаётся найти гениальные цветы жизни».

У меня есть добрая знакомая, Сима Крейнин, которая училась в семинаре Генриха Альтшуллера. Для тех, кто его имени пока не знает – да будет стыдно его не знать, он – автор системы ТРИЗ (техника решения изобретательских задач). Писал и публиковал фантастические рассказы под псевдонимом Генрих Альтов. Умер он в 1998 году в Петрозаводске. Да вы посмотрите в «Википедию», там есть. Так вот, моя знакомая принесла мне однажды неопубликованный текст Альтшуллера о литературе. И в этом тексте Альтшуллер первым делом утверждает, что произведения писателя-фантаста Александра Казанцева к литературе отношения

не имеют. А далее он пытается разработать критерии для оценки качества идей для фантастических рассказов. Не зная Казанцева, на мой взгляд, непрофессионалам простительно, но всё-таки посмотрите в «Википедию», там есть. Уж как я уважаю Альтшуллера, но этот текст для меня мгновенно умер. Умелый литератор не допускает таких ошибок начинающего – отрицать присутствие в литературе любого другого автора, фамилия которого стоит на обложках нескольких книг. Генрих Альтов – писатель вполне умелый, значит, он просто не любил Казанцева. А применённый им в тексте приём показывает, что в его социуме и сознании литература предполагается делом почтенным, и что в этом деле он усматривает иерархию, и личных недругов своих помещает на самые нижние ступени этой иерархии. Или вовсе исключает из неё. Во всяком случае, считает их ниже друзей и людей, которые нравятся.

Возможно, и мою жену разговор о литературе разозлил по схожей причине. По одному не отражённому в сознании определению, литература – обширное и общедоступное пространство, в котором есть место всем; столь же не требующее состязательности, как физиологические отправления. И в таком случае моя супруга делает почтенное и полезное дело, вводя в эту сферу новых авторов, и получая вознаграждение за это вполне заслуженно. Но по другому, столь же внесознательному определению, литература – продуктивная область человеческой деятельности, в которой уместен профессионализм, существуют критерии качественной работы, существует иерархия достижений – а стало быть, вводя в эту сферу новых тщеславных авторов, она лишь поддерживает их самообман и обманывает их, протитулируя литературу и за деньги имитируя интерес к их неловкому художественному слову. О таком эффекте когда-то хорошо сказал Станислав Ежи Лец: «Вы думаете, этот автор мало чего достиг? Да ведь он снизил общий уровень».

Литература выполняет многие различные функции, перечислить которые полностью невозможно: обучение, развлечение (относя сюда более или менее приятное проведение времени), утешение друзей и огорчение врагов, сбор и хранение информации. И далее, и далее. Пришлось бы разграничить журналистику и литературу, если бы темой настоящего размышления было именно это. Пока же укажу на то, что это два различных понятия, но в настоящем случае буду рассматривать всякий текст как крупицу именно литературы. Всё идёт отлично – до тех пор, пока не возникает необходимость в качественной оценке текста.

Александр Бутенин в петербургской газете «За кадры верфям» о Сергее Довлатове (статья «Корабельная гавань Сергея Довлатова»:

«...Работа в газете „За кадры верфям“ явилась значимой вехой в литературной карьере писателя. Свободный график, не слишком утомительный труд, избыток времени и возможность писать „для себя“, развитие и переплетение литературно-журналистских знакомств – все это создавало хорошую почву для оттачивания писательского мастерства Сергея Донатовича. Из армии он вернулся с ворохом неотделанных лагерных рассказов. Однако прежде чем рассказы оформились в повесть, прошло немало лет, многое изменилось, и, в первую очередь, литературный стиль и приемы Довлатова. Сидя в редакторском кресле, он совершенствовался как писатель. Небрежная журналистика благоприятствовала литературе. В повести „Ремесло“ Довлатов так писал о своих первых шагах в журналистике и об отношении к этой профессии: „...тогда я был полон энтузиазма. Много говорится о том, что журналистика для литератора – занятие пагубное. Я этого не ощутил. В этих случаях действуют различные участки головного мозга. Когда я творю для газеты, у меня изменяется почерк“».

Сочиняя эту работу, я почувствовал себя так, как, наверное, мог бы почувствовать себя инженер, изобретший некий трансформатор электроточка и вдруг обнаруживший, что промыш-

ленное использование электричества в современном ему обществе пока неизвестно и не применяется. Или как математик, пытающийся внести мелкое дополнение в решение теоремы... ну, скажем, теоремы Гильберта о нулях, но обнаруживший с ужасом, что он живёт в те времена, когда Давид Гильберт ещё не родился, да и Христиан Гольдбах тоже нет. Так что самому придётся и формулировать понятия, и уточнять формулировки уже принятых, и записывать теоремы, и доказывать их. Благодарю покорно!

Область человеческого знания, о которой мне необходимо с вами поговорить, относится к литературе. К литературе как к обобщённому массиву сохраняемых текстов. Так сложилась моя жизнь, что я по образованию – строго гуманитарий, а жена моя – математик. Она в вузе пять видов математики изучала. То есть изучала она гораздо больше, но по пяти видам математики имелись кафедры в том институте, где она... Ну, вы поняли. И эти изученные ею виды математики, и сданные экзамены, и инженерная работа в прошлом не помогают стать счастливой, разбогатеть или хотя бы избежать жизненных ошибок.

Я же занимаюсь литературоведением. Сначала – в теории, потом и на практике. Насколько мне известно, практически во всех филологических, да и многих прочих гуманитарных институтах есть кафедры литературы и/или литературоведения. Их научная продукция на русском языке... Обширна их научная продукция на русском языке. Мало полезна мне как читателю и литератору вся их научная продукция на русском языке. Вот наберите в поисковике («погуглите») слова «кафедра литературы, научная продукция» – и вы получите многие тысячи результатов, вроде такого: «Исследования по русской литературе, опубликованные учеными нашего вуза в советский и постсоветский периоды, затрагивают разные аспекты литературного процесса». К моему сожалению, чтобы пристроиться на кафедре литературоведения и получать там хотя бы мизерное жалование, нужно иметь знакомых на этой кафедре, в ректорате, а ещё выгоднее – в министерстве. Увы, увы... Знакомых нет, а литература – есть.

Почему я вспомнил о математике, говоря о литературе? Потому что математика как область познания, процесс и результат, в общем – едина. И выводы одной из математических кафедр в какой-либо области изучения дополняют и развивают выводы и положения другой аналогичной кафедры. Во всяком случае, все они – складываются в суммарную копилку математической науки.

С литературой дела обстоят хуже. Не только единой копилки литературной науки не просматривается, но и самый предмет изучения неоднозначен и неоднороден. Литературу рассматривают то как общую абстрактную совокупность всех существующих текстов, то как конкретную совокупность дошедших до рассматривающего официальными путями выбранных типографских изданий; то как утверждённую иерархию, то как систему и спектр мировоззренческих систем. Короче: рассматривают, как хотят. На жаловании и я так же бы рассматривал. Но жалования нет и не предвидится, поэтому буду рассматривать литературу с позиций той практической пользы, которую она как область человеческого познания, процесс и результат, может принести мне и вам.

Литературу можно рассматривать с разных сторон. Как процесс. Как систему. Как множество. Как иерархию. Как средство прокормления. Как предмет торговли. Как материальную ценность. Как документ эпохи. И как угодно ещё. Но рассматривая, желательно понимать, в каком именно качестве принимается к рассмотрению в конкретный момент в данных обстоятельствах эта чёртова литература.

Нередко встречаются особенности такого рассмотрения с позиции удобства рассматривающего. Особенно это характерно в обсуждениях и фиксированных размышлениях о литературе. Как только в результате рассмотрения это удобство нарушается, рассматривающий без всякого объявления переходит к рассмотрению предмета с иных позиций, обеспечивающих возвращение удобства. К примеру, определяя качества художественного текста – буде таковые покажутся недостаточными для рассматривающего – он незаметно переключается на полез-

ность данного текста либо на возможные последствия его публикации. Постараюсь такого не делать.

Вот пример: история публикации и успеха романа Н. Чернышевского «Что делать?».

«Как вышло, что едва ли не худшая из известных русских книг стала влиятельнейшей русской книгой? Именно такие характеристики приложимы к роману Чернышевского «Что делать?».

С литературной слабостью романа согласны, кажется, все – самые разные и даже полярные критики. Бердяев: «Художественных достоинств этот роман не имеет, он написан не талантливо». Плеханов – почти теми же словами: «Роман действительно очень тенденциозен, художественных достоинств в нем очень мало». Набоков дал убийственную оценку «Что делать?» в своем «Даре», предположив даже, что роман был разрешен цензурой как раз из-за крайне низкого качества – чтобы выставить Чернышевского на посмешище перед читающей российской публикой. Но и героя «Дара» занимает вопрос: как «автор с таким умственным и словесным стилем мог как либо повлиять на литературную судьбу России?» То, что он повлиял – сомнений не вызывает у самых язвительных критиков». (Пётр Вайль, Александр Генис «Уроки изящной словесности. Роман века»)

Роман Чернышевского был написан в 1863 году. Впечатление он производил с тех пор такое, что ещё в 1990 году входил в российскую школьную программу по литературе. То есть: в школьную программу по изучению литературы много лет входил косноязычный, неряшливо с текстологических позиций написанный текст – на примере которого школьники внесознательно обучались приоритету того, что именно написано, над тем, как это изложено.

Значит, «литературная слабость»? И при этом несомненный успех? Оказывается, можно и так.

Отступление: литература как персональное пособие по технике решения этических задач

Можно – и нужно в данном случае – рассмотреть доступный нам массив мировой литературы как возможное пособие по технике решения этических задач.

Что это значит?

Российский изобретатель и писатель-фантаст Генрих Альтшуллер (писал под псевдонимом Генрих Альтов) во второй половине XX века придумал ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. Её легко найти в Интернете, причём большинство выдаваемых результатов – не сама теория, а курсы, которые за различную оплату пытаются этой теории обучить.

В отличие от изобретательских, этические задачи имеют непосредственное отношение к большинству ныне живущих людей. Вернее: большинство ныне живущих людей имеет непосредственное отношение к постоянно возникающим перед ними этическим задачам.

Можно ли неправильно решить изобретательскую задачу? Очевидно, можно. Если техническая задача поставлена изобретателю, то отсутствие её успешной практической реализации и есть неверное, неправильное решение. И наоборот, правильным решением будет внедрение полезного изобретения.

Можно ли неправильно решить этическую задачу? Очевидно, можно. О правильности решения этических задач судят как сами решающие такую задачу, так и те, кто хотя бы приблизительно ознакомился с ситуацией, в которой такая задача возникла. Причём различные мнения о правильности решения этической задачи или совокупности одновременно возникших задач у разных людей могут не совпадать – от частных отклонений в спектре возможных решений до утверждения правильности действий, прямо противоположных тем, которые предпринял решавший.

«**Генрих.** Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Ланцелот. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?»

Евгений Шварц. Пьеса «Дракон»

Одним из основных критериев правильности решения этической задачи служит психическое состояние и настроение решавшего после осуществления решения. Но этот критерий – не единственный. Возможны ещё критерии, приводимые для определения правильности решения этической задачи – от действительно значимых для решателя до незначительных либо непроверяемых эмпирическим опытом. Эти критерии может использовать как сам решавший этическую задачу на практике, так и те, кто встретился с чужой этической задачей в информационном поле – в литературе либо в другом виде информационного искусства, например, в кино или театре. Учитывая, что у информационных искусств, как правило, есть литературная основа (и даже у музыки есть нотная запись), – в отличие от искусств ремесленных, – можно уверенно сказать, что литература переводит этические задачи в информационное поле.

Попробую этот тезис пояснить. Информацию о возможностях, правилах, методах, событиях и способах проведения ежедневной жизни мы – люди, читатели, писатели и прочие человеки – можем почерпнуть только из собственного опыта либо из информационного поля, в которое входят сообщения лично знакомых окружающих нас людей и опосредованные сообщения от людей незнакомых. Сообщения могут быть переданы потребителю непосредственно – устно или иными способами, либо опосредованно – с помощью носителей информации, одним из которых выступает в общем случае литература. Информационное поле окружает человека на протяжении всей жизни – от момента рождения до смертного мига. (Мне дове-

лось готовить к изданию книжку доктора А. Альтшулера «Родители-Акулы», в которой автор, детский психиатр, работающий в Израиле, обоснованно утверждал, что младенцы, ещё не владеющие речью, активно интерпретируют любую поступающую к ним физическую информацию – начиная с того, как именно их берут на руки, до температуры и вкуса поступающей пищи и нераспознанных звуков, сопровождающих эти процессы. Увы, этот доктор – не родственник Генриха Альтова и даже не однофамилец: настоящая фамилия писателя-фантаста Альтова пишется с двумя «л»).

Допустим, существует или существовал когда-либо человек (или люди), проживший всю свою долгую, увлекательную и достойную уважения жизнь абсолютно счастливо и в любой момент своей жизни решавший возникавшие перед ним этические задачи совершенно правильно, верно и непогрешимо. Могу ли я на основании только этого допущения объявить себя точно таким человеком? Очевидно, нет, не смогу, не погрешив против истины. То есть: объявить могу, быть таким человеком – нет. И никто из живущих не сможет. Если я являлся бы таким человеком, у меня не возникло бы нужды в трудоёмком и напряжённом процессе письменного формулирования своих мыслей – не было бы стимула. Стимул, знаете ли, как правило, заострён, и его укол не радует того, к кому этот стимул применяется. А у других людей существуют и другие обстоятельства, в связи с которыми они не смогут объявить себя абсолютно счастливыми и совершенно этически непогрешимыми, не погрешив против истины. То есть: объявить себя могут кем угодно, но быть – нет, не могут. Тогда откуда же эти люди узнали о существовании такого человека, как описано в допущении? Ведь из личного жизненного опыта они не могли этого узнать, не являясь таковыми сами. Стало быть, они узнали о таком человеке из информационного поля. Обработанный сознанием материал доступного информационного поля, реализованный в собственных мнениях и воззрениях, превращается в жизненный опыт.

Обратите внимание: люди религиозные в качестве человека, описанного в допущении, упоминают основателя своей религии; например, Моисея, Христа, Магомета или Будду. Но информацию о нём они, разумеется, получили не лично, а из информационного поля, через Тору, Евангелие, хадисы, свитки или иероглифические записи, которые в общем случае относятся к литературе. Замечу, что оценка качества текста (объявление его «хорошим», «плохим», «полезным», «ничтожным», «талантливым» или даже «священным») есть решение этической задачи. Одной из огромного множества разнородных и разнообразных этических задач, возникающих перед людьми в их жизни.

Тут ещё следует дать дефиницию, разделение между терминами «этическая задача» и «этическая проблема». В первом приближении обозначу как «задачу» – ситуацию в частном, конкретном, описанном, учтённом случае; «задачу», возникающую перед конкретным человеком, на предполагаемое место которого решающий может поставить себя; а как «проблему» – ситуацию в общем виде; обстоятельства, которые обуславливают в социуме появление множества повседневных этических задач. Так вот литература может служить очевидным пособием по решению этических задач и вероятным пособием при решении некоторых этических проблем. В том же приближении поставленную этическую задачу можно рассматривать как частный случай решения сформулированной либо пока не сформулированной проблемы.

Как же приспособить литературу к такому предназначению? Для этого зададим вопрос: а каким образом, каким способом может быть решена этическая задача в общем виде? Это не попытка выбирать именно правильное решение, а попытка учесть весь спектр возможных решений, среди которых неизбежно должно оказаться и какое-либо конкретное решение, принимаемое живущим решателем. Попробуем математизировать описание, предложив составить таблицу. По оси абсцисс отложим вид (или род) проблемы. По оси ординат – направление усилий (действий) решающего. Вероятно, при учёте направленных действий, возможных для

решающего, придётся учесть и интенсивность таких действий, хотя бы схематично – от минимальной до максимальной.

Ещё следует отметить, что я в состоянии приводить примеры только из литературы, известной мне на русском языке, и хотя, как мне кажется, я знаком с изрядной частью литературы – это, конечно же, заблуждение: незнакомых мне книг на русском языке многократно больше, чем знакомых; не переведенных на русский книг в мире тысячекратно больше, чем переведенных; и количество публикаций, существующих в иной форме, нежели печатная книга, превосходит количество печатных книг. И каждый читатель может быть ознакомлен с иными произведениями, неизвестными мне. Именно поэтому я не смею претендовать на исчерпывающее описание, и единственная моя серьёзная надежда как автора – что читатель задумается над сутью, смыслом изложенного, а не над полнотой охвата описываемых вариантов. Любые соображения, дополнения и замечания по сути вопроса и по уточнению содержания как таблицы, так и всей данной работы будут приняты автором с благодарностью.

Таким образом, литературу можно рассматривать как индивидуальное, персональное пособие по технике решения этических задач. При этом не обязательно учитывать качества художественного текста и его популярность у читателей.

Начну с оси абсцисс: пока могу выделить шесть основных вариантов природы этических проблем. Разумеется, те, кто сталкивается с чужими этическими задачами ежедневно, смогут указать на неполноту охвата, но основные роды проблем я попытался отметить:

Материальные (в том числе и финансовые), духовные (в их числе мировоззренческие), телесные (всё, относящееся к здоровью, физиологии и физическим возможностям), временные или темпоральные (проблемы, связанные с течением времени, с наступлением неизбежного будущего, с обязательностью событий), социальные (связанные с другими людьми, к которым решающий не испытывает личных и интимных чувств) и межличностные (в том числе любовные и семейные).

По оси ординат – направление действий и усилий человека, решающего вставшую перед ним этическую задачу. Их я вижу пять основных вариантов:

Действия (от предупредительности до агрессии), обращённые на себя самого.

Действия, обращённые к выбранному инициатору (носителю, виновнику) конкретной проблемы (Пример: «в гневе начал царь чудесить и гонца велел повесить»).

Действия, обращённые к лично не знакомым решателю представителям общества, социума (от благотворительности до террора).

Действия, обращённые к традиции, предубеждению, воспитанию, авторитету, а также к олицетворению власти – к тому, что Фрейд обозначил как «суперэго».

Действия, направленные на изменение информационного поля (от усиления распространения до уничтожения информации).

При этом бездействие определяется как действие с нулевым импульсом (примирение), а одна и та же этическая проблема может быть отмечена как в одной, так и в двух и более ячейках таблицы. Искусственный перевод задачи из одной колонки или строки таблицы в другую также можно считать действием по решению этой задачи. Вся таблица имеет смысл только в том случае, когда решающий осознаёт существование этической задачи и интересуется возможными вариантами её решения. Произведения литературы, независимо от качества их текстов, не изменятся от того, что какой-либо их фрагмент будет внесён в ту или иную часть любой условной таблицы. Задача этой таблицы – подсказать читателю, какие варианты выбрали различные персонажи информационного поля (другие люди), находясь при этом в ситуациях, напоминающих жизненную ситуацию решающего. Но только лишь «напоминающих» – поскольку любой решающий этические задачи ощущает, хотя бы на короткое время, их уникальность в контексте собственной жизни.

Животные (и вообще живая природа) этических задач не осознают, не принимают, не ставят и не решают. Они просто совершают действия, последовательность которых предусматривается непосредственно перед совершением. Этика, как и речь – человеческая привилегия.

В таблице, как нетрудно подсчитать, – тридцать ячеек. Это никак не означает существования только тридцати основных видов решений возникающих в жизни этических задач – их, по-видимому, больше. И это не означает, что мне как автору необходимо немедленно заполнить все тридцать ячеек равномерно. Охотно признаю, что до некоторой степени сама попытка составления такой таблицы есть профанация литературы, избыточное упрощение, при котором суждение о качествах текстов остаётся вне обсуждения. Но такова и всякая попытка математизации, устраняющая индивидуальные качества предметов в пользу абстракции, которая, тем не менее, способна подсказать конструктивные решения. Разумеется, каждый читатель может составить для себя собственную, персональную таблицу. В крайнем случае такая таблица будет состоять из одной ячейки, с формулируемым в ней условным вопросом: «На какого из литературных героев ты хотел бы быть похожим, и хотел бы поступать так же, как он?»

Теперь – две крупных цитаты. Они имеют весьма косвенное отношение друг к другу. Тем не менее, полагаю их приведение уместным. Первая: решение моральных задач по Ю. А. Шрейдеру. Обратите дополнительное внимание на вопрос №4.

«Я обращаюсь к читателю с просьбой проделать над собой небольшой эксперимент – попытаться вообразить себя действующим лицом (субъектом) перечисляемых ниже конкретных житейских ситуаций и решить, какие из них ставят перед субъектом проблему морального выбора. Мне не существенно, какой выбор читатель сделает в этих ситуациях. (Не исключено, что он выберет не предусмотренную мной возможность.) Мне важно только то, какие из них он сочтёт ситуациями морального выбора. Не буду скрывать таящегося в этом вопросе подвоха. Это ведь не тест, где истинный смысл вопросов должен быть не ясен тестируемому. Если хотя бы в двух случаях вы решите, что речь идет о моральном выборе, я буду считать, что для вас ситуация морального выбора реальна. В этом случае предлагаемая вашему вниманию книга, я надеюсь, будет вам интересна. Впрочем, не спешите её откладывать в сторону, если вы не признали реальность морального выбора ни в одном из предлагаемых вам случаев. Не исключено, что изучение этой книги поможет вам осознать эту реальность. А ради открытия новой реальности вполне оправдано потратить усилия на знакомство с книгой. Итак, перед вами несколько ситуаций. Про какие из них вы готовы утверждать, что они ставят перед субъектом проблему морального выбора?

1. Начальство предложило вам весьма почетную должность, отвечающую вашим возможностям и стремлениям, но попросило не разглашать это предложение, пока не будет отправлен на пенсию занимающий эту должность X, с которым вы связаны давними дружескими отношениями и весьма вами уважаемый. Вам приходится выбирать между согласием, отказом и попыткой предварительно посоветоваться с X, нарушив прямое указание начальства. (Вполне вероятно, что X передаст начальству о вашей попытке, а это чревато осложнениями.)

2. Врач сообщил вам о том, что болезнь близкого человека смертельна. Вам приходится самому решать, сообщать ли этот диагноз больному.

3. Вашему сыну или дочери предстоит письменный вступительный экзамен в вуз с большим конкурсом. Случайно вам стало заранее известно

экзаменационное задание. Перед вами выбор: сообщить эту информацию только своему дитяти, мечтающему поступить именно в этот вуз; поделиться ею с его друзьями; рассказать большому кругу поступающих (чтобы поставить всех в равные условия) или скрыть полученную информацию.

4. Сразу после катастрофы в Чернобыле руководство СССР приняло решение не распространять информацию о реальных масштабах радиоактивной опасности. Сама катастрофа оказалась следствием принятого руководством АЭС решения провести эксперимент с одним из атомных реакторов – ввести его в критический режим, чтобы получить полезные данные о свойствах реактора. Находились ли лица, ответственные за принятие этих решений, в ситуации морального выбора?

5. Мама послала ребёнка в магазин за покупками. Он может послушно выполнить поручение или поддаться своему естественному желанию и потратить часть денег на мороженое. Является ли этот выбор моральным?

6. Вы идёте вечером по улице с тяжёлым предметом в руке (например, молотком). При вас два хулигана нападают на женщину. Вы можете незаметно пройти мимо, попытаться уговорить хулиганов, попытаться воздействовать на них силой или просто ударить одного из них молотком по голове. Идет ли речь о моральном выборе или только о выборе эффективного действия?

7. У вас есть серьёзные основания подозревать ваших соседей в том, что они готовят террористический акт в определённом месте, но полной уверенности в этом нет. Вы можете предупредить по телефону о месте и времени готовящегося акта, сообщить в милицию имена предполагаемых террористов, попытаться войти с ними в контакт и отговорить от задуманного и т. п. Стоит ли перед вами моральная проблема?

8. Вы единственный умеющий хорошо плавать человек среди сидящих в лодке. Лодка перевернулась, и перед вами стоит выбор, кого спасти в первую очередь. Как изменится ситуация, если по вашему ощущению ваших сил едва хватит, чтобы самому доплыть до берега?

9. Представьте себе, что вы живёте в советские времена, когда занятие даже небольшой административной должности требовало членства в компартии. Перед вами выбор; вступить в КПСС или отказаться от привлекательной для вас перспективы продвижения по службе. (Разумеется, многое зависит от того, как вы оцениваете членство в КПСС: связываете ли с ним личную ответственность за террор и другие преступления?) Попробуйте вообразить аналогичную ситуацию выбора в другие времена в других странах. Вспомните, в какой ситуации и кто произнёс слова: «Париж стоит мессы».

10. Вы проходите мимо лотерейного зазывалы, приглашающего купить билеты. При этом он обещает, что купивший пять билетов, на которые не пал выигрыш, получает деньги обратно. Ваш выбор прост; купить какое-то количество билетов или не обращать на эти призывы внимания. Легко сообразить, что лотерея устроена так, что с большой вероятностью один из пяти билетов выигрышный, но размер этого выигрыша сильно меньше, чем цена пяти билетов. Итак, обещание возместить убытки построено на легко разгадываемом обмане. (Иначе устроители не получили бы дохода.) Но вопрос к читателю состоит не в том, каковы его шансы оказаться в выигрыше. (Можно сразу сказать, что они гораздо меньше, чем имеют устроители лотереи.) Читателю предстоит решить, имеет ли данная ситуация моральный аспект

для её участников? Смысл поставленных перед читателем вопросов не в том, чтобы решить, как должно поступать в приведённых ситуациях. Это вопросы для самопроверки, возникают ли у читателя сомнения в том, что здесь речь идет о должном?»

Шрейдер Ю. А., Этика. Введение в предмет, М., «Текст», 1998 г., с. 20—22.

На вопрос №4 (точнее, на его вторую часть) имеется подробный ответ в литературе: воспоминания заместителя главного инженера ЧАЭС Дятлова («Чернобыль. Как это было». Цитирую по сайту:

http://www.e-reading.club/chapter.php/21253/9/Dyatlov_-Chernobyl%27._Kak_eto_bylo.html)

«...Всё в ту ночь делал как всегда. Пришёл в кабинет, позвонил на блок выяснить обстановку. Перекурил, переоделся и зашёл, как всегда, вначале на щит третьего блока узнать как дела. И лишь после этого пошёл на четвёртый блок.

Четвёртый энергоблок по согласованию с энергосистемой 25 апреля должен был остановиться на профилактический ремонт. К середине дня мощность реактора снизили до пятидесяти процентов и остановили один из двух ТГ. Далее диспетчер энергосистемы запретил снижение до прохождения вечернего максимума потребления электроэнергии и останов разрешил в 23 часа 25 апреля. Ничего заслуживающего внимания в это время не происходило. Велись обычно намечаемые на останов проверки и испытания по типовым программам.

В 24 часа 25 апреля при передаче смены состояние следующее: мощность реактора – 750 МВт тепловых, ОЗР – 24 стержня, все параметры – согласно Регламенту.

Перед передачей смены поговорил с начальником смены блока Ю. Трегубом и заступающим на смену А. Акимовым. Осталось только замерить вибрацию турбины на холостом ходу (без нагрузки на генераторе) и провести эксперимент по «Программе выбега ТГ». Никаких вопросов не возникало. Измерение вибрации осуществляется при каждой остановке на ремонт, здесь всё ясно. И по подготовке к последнему эксперименту у А. Акимова нет вопросов, он ещё 25 апреля смотрел.

После этого я ушёл с БЩУ-4 для осмотра перед остановом интересующих меня мест. Так всегда делал. Во-первых, дефекты «охотнее» проявляют себя при смене режима, во-вторых, при снижении мощности можно более внимательно осмотреть помещения с повышенной радиационной опасностью. Нет, конечно, я не боялся работать в зоне с радиационными излучениями, но и без нужды лишнюю дозу получать не стремился. Да и нельзя годовую дозу набрать до конца года – отстранят от работы в зоне.

Вернулся на щит управления в 00 часов 35 минут. Время установил после по диаграмме записи мощности реактора. От двери увидел склонившихся над пультом управления реактором, кроме оператора Л. Топтунова, начальника смены блока А. Акимова и стажёров В. Проскурякова и А. Кудрявцева. Не помню, может и ещё кого. Подошёл, посмотрел на приборы. Мощность реактора – 50...70 МВт. Акимов сказал, что при переходе с ЛАР на АР с боковыми ионизационными камерами произошёл провал мощности до 30 МВт. Сейчас поднимают мощность. Меня это несколько не взволновало

и не насторожило. Отнюдь не из ряда вон выходящее явление. Разрешил подъём дальше и отошёл от пульта.

С Г. П. Метленко обговорили подготовку по «Программе выбега ТГ» и поместили в его экземпляре программы выполнение работы. Подошёл А. Акимов и предложил не поднимать мощность до 700 МВт, как записано в «Программе выбега ТГ», а ограничиться 200 МВт. Я согласился с ним. Заместитель начальника турбинного цеха Р. Давлетбаев сказал, что падает давление первого контура и, возможно, придётся остановить турбину. Я ему сказал, что мощность уже поднимается и давление должно застabilizироваться. Ещё Давлетбаев передал просьбу представителя Харьковского турбинного завода А. Ф. Кабанова замерить вибрацию турбины на свободном выбеге, т.е. при снижении оборотов турбины без нагрузки на генераторе. Но это затягивало работу, и я отказал ему, сказав: «При эксперименте мы реактор глушим, попробуй подхватить обороты (примерно от 2 000 об./мин), пару ещё должно хватить».

В 00 часов 43 минуты заблокирован сигнал АЗ реактора по останову двух ТГ. Несколько ранее переведена уставка АЗ на останов турбины по снижению давления в барабан-сепараторах (в первом контуре) с 55 атмосфер на 50.

В 01 час 03 и 07 минут запущены седьмой и восьмой ГЦН согласно Программе.

А. Акимов доложил о готовности к проведению последнего эксперимента.

Собрал участников для инструктажа кто за чем смотрит и по действиям в случае неполадок, кроме оператора реактора – ему отлучаться при таком режиме не следует. Все разошлись по назначенным местам. Кроме вахтенных операторов в это время на щите управления были задействованы в эксперименте работники электроцеха (Сурядный, Лысюк, Орленко), пусконаладочного предприятия (Паламарчук), заместитель начальника турбинного цеха Давлетбаев, из предыдущей смены Ю. Трегуб и С. Разин, оставшиеся посмотреть, начальник смены реакторного цеха В. Перевозченко и стажёры Проскураков, Кудрявцев.

Режим блока: мощность реактора – 200 МВт, от ТГ №8 запитаны питательные насосы и четыре из восьми ГЦН. Все остальные механизмы по электричеству запитаны от резерва. Все параметры в норме. Система контроля объективно зарегистрировала отсутствие предупредительных сигналов по реактору и системам.

Для регистрации некоторых электрических параметров в помещении вне БЩУ был установлен шлейфовый осциллограф, включался он по команде в телефон – «Осциллограф-пуск». На инструктаже было установлено, что по этой команде одновременно: закрывается пар на турбину; нажимается кнопка МПА – нештатная кнопка для включения блока выбега в системе возбуждения генератора; нажимается кнопка АЗ-5 для глушения реактора.

Команду Топтунову даёт Акимов.

...В 01 час 23 минуты 04 секунды системой контроля зарегистрировано закрытие стопорных клапанов, подающих пар на турбину. Начался эксперимент по выбегу ТГ. Со снижением оборотов генератора после прекращения подачи пара на турбину снижается частота электрического тока, обороты и расход циркуляционных насосов, запитанных от выбегающего генератора. Расход другой четвёрки насосов немного возрастает, но общий

расход теплоносителя за 40 секунд снижается на 10—15%. При этом вносится в реактор положительная реактивность, АР стабильно удерживает мощность реактора, компенсируя эту реактивность. До 01 часа 23 минут 40 секунд не отмечается изменений параметров на блоке. Выбег проходит спокойно. На БЩУ тихо, никаких разговоров.

Услышав какой-то разговор, я обернулся и увидел, что оператор реактора Л. Топтунов разговаривает с А. Акимовым. Я находился от них метрах в десяти и что сказал Топтунов не слышал. Саша Акимов приказал глушить реактор и показал пальцем – дави кнопку. Сам снова обернулся к панели безопасности, за которой наблюдал.

В их поведении не было ничего тревожного, спокойный разговор, спокойная команда. Это подтверждают Г. П. Метленко и только что вошедший на блочный щит мастер электроцеха А. Кухарь.

Почему Акимов задержался с командой на глушение реактора, теперь не выяснишь. В первые дни после аварии мы ещё общались, пока не разбросали по отдельным палатам, и можно было спросить, но я тогда, а тем более сейчас, не придавал этому никакого значения – взрыв бы произошёл на 36 секунд ранее, только и разницы.

В 01 ч 23 мин 40 с зарегистрировано нажатие кнопки АЗ реактора для глушения реактора по окончании работы. Эта кнопка используется как в аварийных ситуациях, так и в нормальных. Стержни СУЗ в количестве 187 штук пошли в активную зону и по всем канонам должны были прервать цепную реакцию.

Но в 01 ч 23 мин 43 с зарегистрировано появление аварийных сигналов по превышению мощности и по уменьшению периода разгона реактора (большая скорость увеличения мощности). По этим сигналам стержни АЗ должны идти в активную зону, но они и без того идут от нажатия кнопки АЗ-5. Появляются другие аварийные признаки и сигналы: рост мощности, рост давления в первом контуре...

В 01 час 23 минуты 47 секунд – взрыв, сотрясший всё здание, и через 1—2 с, по моему субъективному ощущению, ещё более мощный взрыв. Стержни АЗ остановились, не пройдя и половины пути. Всё.

В такой вот деловой будничной обстановке реактор РБМК-1000 четвёртого блока ЧАЭС был взорван кнопкой аварийной защиты (!!?) (*знаки поставлены Дятловым*). Далее я попытаюсь показать, что для взрыва того реактора и не надо было никаких особых условий. Если мне не удастся это, то только из-за неумения доходчиво изложить. Других причин нет, теперь всё произошедшее ясно.

Ну вот, какой уж там моральный выбор?! Не было у работников ЧАЭС морального выбора. А руководство СССР находилось в состоянии давно сделанного морального выбора.

Обращаясь к вышестоящим, мы взываем к совести тех, кто уже успел ею поступиться.

(афоризм автора)

Лихо до дна, а там дорога одна...

Математическая база литературы

В младших классах средней школы у нас было два основных предмета: «математика» и «родной язык и литература». Были, разумеется, и другие уроки, в том числе природоведение (по сей день не знаю, что это за наука, хотя числился вполне успевающим учеником), рисование, пение и физкультура. Но эти два – математика и литература – считались «основными». Очевидной связи между ними не просматривалось никакой. Конечно, их объединяло то, что преподавались они в одном и том же здании, а нередко – и в одной и той же комнате. А более – ничто. Во всяком случае, мы, дети, глубинных связей между этими разделами школьной науки не замечали. И только сильно постарев и многое повидав, подходя уже к пенсионному порогу, я заметил глубокие внутренние связи, незримые на первый взгляд, но весьма прочные, между обоими предметами. Ещё точнее: между изучаемыми дисциплинами. На всех познавательных уровнях. И эти связи я попытаюсь нащупать и предъявить. Они важны, эти связи, они во многом определяют изучаемый предмет. Как говорили нам в школе хорошие преподаватели математики: «Математика – это универсальный язык науки». Мы кивали необразованными головами и могли даже повторить это утверждение, но пользоваться этим языком не умели, да, пожалуй, недостаточно умеем и сегодня.

По внутреннему предпочтению, выказываемому каждым школьником одному из этих предметов, можно было условно разделить весь контингент на детей с «гуманитарным» или «техническим» складом ума. Не обязательно каждая подрастающая личность немедленно укладывалась в это разделение: были отличники, равно получавшие высшие оценки по всем предметам, были и двоечники, равно все уроки не любившие. Конечно, впоследствии прибавлялись ещё науки, школьники увлекались какими-то областями знаний или охладевали к ним, но это основное разделение на «физиков» и «лириков», на «технарей» и «гуманитариев» сохранялось. Собственно говоря, и вузы делились по этой градации на гуманитарные и технические. В качестве промежуточной сферы между науками «точными» и «гуманитарными» фигурировали науки «естественные» – но в каждом конкретном случае молодой человек со временем сам определял, к какой области и роду относится его деятельность. Например, нынешнюю медицину никак нельзя охарактеризовать как точную науку, хотя она и стремится к точности; вместе с тем педагогика – деятельность явно гуманитарная, так что молодой человек, окончивший математический факультет педагогического института и преподающий в школе математику, вполне вправе считать себя по роду деятельности таким же гуманитарием, как преподаватель литературы, хотя область его знаний остаётся «технической».

«Физики и лирики» – так называется стихотворение советского поэта Бориса Абрамовича Слуцкого (1919—1986), которое было впервые напечатано в «Литературной газете» (1959, 13 октября):

Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчёте, дело в мировом законе.

Далее поэт говорит о том, что «лирики в загоне» потому, что время требует именно «физиков», людей точных знаний. После публикации этого стихотворения в советской печати развернулась бурная дискуссия, где стороны выясняли, кто «более нужен» – «физики» или «лирики». В конце концов, все сошлись на том, что нужны и те и другие, что важна как наука, так и искусство.

(По материалу «Википедии»)

Я это почему пишу: потому что сам – «гуманитарий» с детства по складу характера и особенностям восприятия. Так была отмечена моя жизнь вне зависимости от того, что с преподавателями математики мне и моим одноклассникам в отрочестве в основном везло, а с преподавателями литературы – не очень. В других школах бывало и наоборот, но это дела не меняло (отсылку на один из таких случаев у замечательного профессионального писателя смотрите в «Пояснениях» после статьи). Это не влияло на саму суть изучаемого предмета. Это могло повлиять лишь на дальнейшие судьбы учащихся: преподаватель оказывал на них некое влияние; соединяясь с другими влияниями, иногда намного более сильными, оно обретало результат в поступках: например, при выборе работы из имеющихся вакансий или при выборе дальнейшего учебного заведения. Или хотя бы при фиксации воспоминаний.

При обсуждении какого-либо вопроса среди «гуманитариев» привлечение математического аппарата и использование математических понятий для прояснения темы считались неудобным, неприличным, вызывающим и бессмысленным. В частности, важная для сути вопроса теорема: «в полном массиве текстов любой развитой литературы можно найти произведения, иллюстрирующие различные, в том числе диаметрально противоположные точки зрения на один и тот же предмет» была недоказуема априори. Во-первых, потому что жрецы властвовавшей тогда идеологии методом усечения сокращали массив дозволенной к рассмотрению литературы; во-вторых, потому что вместо самого предмета литературы повсеместно преподавались «избранные главы истории литературы», а они никак не предусматривают учёт «полного массива текстов». И если первая причина была в России в 90-х годах XX века устранена (или частично устранена), то вторая – практически не переменялась: до сих пор и в школах, и в вузах вместо предмета литературы преподают избранные главы её истории. Между тем доказательство этой теоремы помогает разрешить идеологические сомнения: если какая-либо книга, содержащая утверждения или идеи, прямо противоположные разбираемой, не представлена в изучаемой программе – это вовсе не значит, что она не существует; это всего лишь значит, что она не упоминается: сознательно ли, по незнанию, по недосмотру либо по иным соображениям. В переводе этой словесной формулы для эмоционального восприятия школьниками: литература так же не виновата в том, что её подают с неудобоваримой стороны, как зарезанная корова не виновата в том, что вместо бифштекса вам достались кости.

Была различной методика познания излагаемых дисциплин. Математика подавалась как предмет, где ранее изложенные знания не опровергают последующие. И доказанные ранее теоремы принимаются как соответствующие истине, о каком бы дальнейшем разделе математики мы бы ни говорили. Справедливость теоремы Пифагора не опровергалась алгебраическими формулами сокращённого умножения, тригонометрическими функциями или дифференциальным исчислением. В изложении же литературы всячески устранилась универсальность математического подхода: словесные формулы изучали только в соответствии с их авторами, и правильными полагались те действия, которые совершал изучаемый автор в некоей ситуации прошлого, мало знакомой учащимся; либо правильными полагались некоторые действия персонажа в тех обстоятельствах, которые были изложены автором изучаемого произведения. То, что учащиеся находились совсем в других обстоятельствах, не беспокоило преподавателей. Теорем в литературе не существовало вовсе: разрешались только качественные оценки. При изучении языка действовали уроки грамматики и пунктуации, содержавшие четко определённые правила, известные каждому корректору, но при изучении литературы об её правилах и законах нам не говорили никогда.

При изучении математики (да и других «точных» наук, например, физики или химии) история становления самой науки занимала в учебном году сравнительно небольшое место. Мы узнавали несколько имён в связи с результатами их трудов; подробности их жизни были не обязательны к запоминанию, и сделанные ими откровения впредь входили в общую сумму знаний без указания, как правило, конкретного автора. При изучении же литературы

именно подробности жизни и особенности конкретных произведений тех авторов, которые описаны в учебнике, считались основным содержанием предмета. По-видимому, это происходило в связи с отсутствием аксиоматической системы, теорем, понятий о словесных формулах и о формульных приёмах. Речь шла не о спектре человеческих взглядов и общественных идей, а о конкретных текстах, утверждённых вышестоящими инстанциями в качестве классических; не о возможных стилях изложения мысли, а о неотрывности «прогрессивной» мысли автора от его произведений; не о возможностях техники использования текстовых приёмов и создания словесных формул, а о непосредственном результате применения этой техники конкретным автором.

В четвертом, кажется, классе (это значит, по 10—11 лет нам было) на уроках мы читали «Песнь о купце Калашникове» Лермонтова. К счастью, детский мозг устроен таким образом, что пропускал мимо всё непонятное и необъяснённое, чтобы разобраться позже. Иначе я задал бы вопрос: какого чёрта мы это делаем? И получил бы ответ вопросом на вопрос (в таком стиле любит изъясняться моя жена): а какого рожна тебе надо? Так предусмотрено школьной программой. Возможно, составители программы полагали, что история кулачного боя добра молодца с опричником (очень нам было дело до вашего опричника!) послужит смягчению нравов. Увы, насколько я знаю, этот текст не предотвратил ни одной детской драки, никого не отвратил от жестокости. А позже разбираться в скрытых смыслах этого текста у моих одноклассников не было ни желания, ни повода. В девятом, кажется, классе мы читали роман Чернышевского «Что делать?» Уже тогда я удивился косноязычию и путаности этого текста, но высказать учителям сомнение в его качестве и уместности для нас, молодых людей, не посмел. И мне понадобилось ещё тридцать пять лет, чтобы в одной из литературоведческих книг найти подтверждение своей интуитивной догадке: грамотные современники Чернышевского отмечали косноязычие и путаность романа, но одобряли его из-за тех отважных социальных идей, которые автор позволил себе высказать. Однако читали мы его не на уроке истории, а на уроках литературы. Вот вспомнился ещё один родственник гуманитарный предмет – история. «Россия – это страна с непредсказуемой историей», – этот афоризм я узнал уже после школы.

Курс математики предусматривал постоянное решение неких задач и примеров. Эти задачи могли быть почёрпнуты дома из учебника, могли быть заданы учителем в классе, их условия имитировали реальные события или были совершенно от этих событий оторваны – важно, что задачи и примеры имели конкретное решение и единственный правильный ответ, обозначенный в учебнике. Курс литературы решения задач не предусматривал. В младших классах в качестве задания бывало дословное запоминание какого-либо куска текста, чаще рифмованного, но иногда и прозаического. В старших же классах проверочным заданием бывали сочинения, в которых наиболее желательным для педагогов результатом было воспроизведение иными словами изложенного на уроке или в учебнике. То есть литературные задачи, возникающие практически перед каждым человеком в течение жизни, из уроков фактически были устранены. Никогда педагоги не ставили перед учеником задачу рассказать одноклассникам интересную историю – хотя в повседневной жизни некоторые самостоятельно эту задачу и ставили себе, и решали. В частности, те, кто бывал в пионерских лагерях, помнят рассказываемые после «отбоя» ужастики или фантастические приключения. А те, кто бывал в местах заключения, знают, что такое «тискать романы». Никогда педагоги не ставили задачи отобрать из незнакомого массива книг те, которые способны заинтересовать целевую аудиторию (да и само понятие целевой аудитории не вводилось). А мне впоследствии в жизни пришлось зарабатывать именно этим умением (об этом в «Пояснениях»). Никогда наши педагоги не ставили ученику задачи рассмешить или растрогать слушателей. Такое случалось, но происходило оно стихийно, спонтанно, вне намерения обучающего. И никакие уроки литературы не помогали и не мешали девочкам заводить «откровенники», то есть тетрадки, в которых записы-

вали не имеющие отношения к урокам, но важные для души стихотворения и афоризмы, или переписывать от руки сентиментальные рассказы (в нашем классе ходила по рукам рукописная душещипательная новелла, приписываемая Константину Симонову). А мальчикам те же уроки не мешали и не помогали переписывать рассказы порнографические (у нас ходил рассказ, приписываемый Толстому, причём Алексею или Льву – несущественно; переписчик ставил обычно имя Льва – оно короче). Ученики могли писать заметки в так называемую «стенную газету» – но лишь те, кому это было специально поручено. Школьная премудрость имела только ту связь с предстоящей после школы деятельностью, что служила экзаменационным предметом, твёрдое знание которого даёт право на обучение этой самой деятельности. При таком методе обучения очень многие молодые люди покидают школы с полным неумением составлять словесные формулы, выбирать адекватный стиль изложения, использовать тропы, драматургические ходы и литературные приёмы в повседневной жизни, точно описывать свои переживания или сочинять деловые письма. Разумеется, они делают это при нужде – жизнь того требует, но такие с усилиями обретенные умения никак не находятся в связи с той премудростью, которой их угощали учителя. Литература (как и во многих случаях школьная математика) оказывается неприменимой в повседневной жизни. Чтобы подсчитать и распределить скудные доходы, достаточно арифметики; чтобы коряво изложить скудные мысли, достаточно знания основ родного языка и нецензурной лексики.

Появление магнитофонов, компьютеров, ксероксов и прочих средств умножения и хранения информации изменило техническую сторону вопроса, но не изменило его сути. По умолчанию предполагалось, что школьный курс обучения любой науке служит не только для освоения азов этой науки, но и для удержания в учебное время в стенах школы всех пришедших в неё детей. В противном случае дети оказались бы предоставлены самим себе и любым случайным влияниям дома и на улице. Это предположение по умолчанию превосходно выполняется из года в год. А если умолчание озвучить? Предположим, и учитель, и ученики идеальны, то есть во всё отпущенное время в школе стараются научить и обучиться именно тому, что предусматривает курс науки. Полностью освоившие школьную программу по математике ученики смогут сдать экзамен, необходимый для дальнейшего обучения «точным» наукам, в какой бы отрасли те ни применялись. То же самое и с полностью освоившими курс языка и литературы: они научатся грамотно писать на родном языке и пройдут экзамены в «гуманитарный» вуз любой специализации. А дальше? Радикальное отличие между двумя курсами науки (математики и литературы) заключено в том, что математика, предлагая задачу, ставила перед учащимся вопрос: каким образом эта задача может быть решена вообще? Когда жизнь ставит перед окончившим курс такую задачу, специалист находит решение, исходя из своих знаний и разума, учитывая все известные ему способы решений, использованных его названными или безымянными предшественниками, либо изобретая свои. Литература же специальных задач не ставила и даже не формулировала, но когда такие задачи благодаря жизни неизбежно возникали, то перед учащимся ставился вопрос: каким образом решил данную задачу автор или персонаж конкретного произведения? Ни разу не возникал вопрос: какими способами данная задача (если когда-нибудь она для начала окажется чётко сформулированной) может быть решена вообще? Требовалось лишь знание того, как решили некую творческую проблему упомянутые в школьной программе классики. Польза такого подхода в его безобидности, вред – в его бесполезности.

Применение некоторых средств и мыслительных ходов, которым обучает математика, к области литературы, позволяет точнее понять особенности предмета, сформулировать некоторые его правила и законы хотя бы для личного использования, и найти возможные, традиционные или нетривиальные решения возникающих задач. Формула или теорема есть всего лишь отражение существующей в природе закономерности, выраженное условными обозначениями, понятными для других исследователей. Из того, что какая-либо теорема литера-

туры (да и любой другой области творческого познания) до сих пор не сформулирована, вовсе не следует, что её нет и быть не может. Право любого изучающего предмет: такую закономерность подметить и отразить в формулировке, и если такое отражение соответствует действительности, то другие исследователи поймут, поддержат и продолжат дело. О, как бы мне хотелось опереться на систему аксиом, чётко разработанную для данного случая! Однократная точная формулировка того, что мы договоримся считать текстом – как структурной единицей литературы, словесной формулой – как единицей фрагмента текста, контекстом – как условием существования текста, аудиторией – как условием восприятия данного текста... О, как это облегчило бы мою нынешнюю задачу: рассказать о возможных теоремах литературы! Увы, при попытке вычислить хотя бы приблизительные значения употреблённых слов с помощью сети Интернет, я немедленно наталкиваюсь на применяемые для этого гораздо более сложные понятия, вроде парадигмы, семантического поля или психофизиологической лингвистики. И немедленно же вспоминаю правило Оккама, подхваченное памятью Бог весть где уже после школы: «не умножай сущностей». Не следует пояснять сравнительно простые термины при помощи более сложных, если мы действительно собираемся что-либо понять. Десять лет (а ныне и одиннадцать) в школе ничего не говорят о психолингвистике, но часто говорят о литературе, причём все – и преподаватели, и ученики – делают вид, что понимают, о чём именно они говорят. Неужели для прояснения вопроса им не обойтись без дополнительного сверхшкольного, вузовского курса семантики или психолингвистики? Разумеется, и сложные термины, и новые науки необходимы. Но развитие знаний осуществляется последовательно, от простого к сложному. А тут, в отличие от математики, даже первичные понятия (вроде точки, линии или фигуры) не зафиксированы. Но оставим эту работу для будущего, и по умолчанию примем, что первичные понятия и аксиомы литературы существуют, хотя и не обозначены.

Насколько я понимаю, именно контекст позволяет отождествить тест как таковой, обозначив его применимость и границы. Попытаюсь пояснить это анекдотом, автор которого мне лично известен:

«Еврей из России впервые прибыл в израильский аэропорт.

– Ой, смотри, какой оригинальный национальный орнамент!

– Это не орнамент. Это надпись «Брухим абаим!» (на иврите «Добро пожаловать!»)

Тезис о роли контекста в ситуации попробую подкрепить цитатой из книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (том 2): «И что будет, если истина „сумма углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам“ заденет их особняки, чины и заграничные командировки? Да ведь за чертёж треугольника будут отрубивать голову! Треугольные фронтоны с домов будут сшибать! Издадут декрет измерять углы только в радианах!»

Одна из первых закономерностей, которую удалось подметить в процессе жизни и работы в данной сфере, касается оценочного восприятия литературы. Иными словами, знака, который выставляет излагающий при оценке некоего обсуждаемого им текста или автора. Такая постановка знака возрождает в памяти урок математики, где нам рассказывали о числовой оси. Учитель нарисовал на доске линию, изобразил на правом её конце стрелку, пометил произвольно некую точку, написав над ней 0, и разъяснил, что это – числовая ось. Справа от нуля идут числа положительные, натуральные; слева – отрицательные. Существует бесконечное множество натуральных чисел; для любого натурального числа найдётся другое натуральное число, большее его. Учитель не рассказал нам тогда ни о Джузеппе Пиано, сформулировавшем аксиомы на эту тему, ни о его предтече Грассмане; да нам это было и не нужно. Достаточно было увидеть числовую ось и понять, что на ней располагаются натуральные числа, причём отрицательные числа – не натуральные. На уроке литературы такой оси учительница не рисовала и не собиралась рисовать, а если бы мы, ученики, в том числе и отличники, попросили бы

такую ось для нас изобразить, впала бы в глубокую задумчивость. В изучаемом нами предмете использовалось в привычном значении понятие «книга» – как элемент литературы и совокупность текстов, собранных под одной обложкой. В самом деле: как обозначить нулевую точку такой оси? Что она должна означать по сути? Справа от нуля располагается множество уже написанных книг, включающих и все те, о которых рисуящему ось ничего не известно? А что обозначать в левой части оси? Множество ненаписанных или неизданных книг, – и тогда натуральными будут все книги, уже опубликованные? Либо пойти по иному пути, и изобразить ось временной, и тогда литература на ней будет располагаться по мере создания и обнародования? Именно так и поступают иногда при изучении этого предмета: начинают с древнейшей литературы – и до авторов, современных изучающему. А может, никакая ось не послужит аналогией в данном случае, и вместо линии пришлось бы изображать сферу, вмещающую весь спектр человеческих идей? Легко можно найти книгу, отрицающую что-либо, но существуют ли вообще книги отрицательные? Ведь каждая из них на временной оси неизбежно занимает некоторое место.

Но если отрицательных книг, предположительно, не существует, то «плохих» книг сколько угодно. Оценку «плохая книга» и, соответственно, как противоположность – «хорошая книга» можно видеть и слушать весьма часто. Равно как и оценку «хороший писатель» – как производитель «хороших» книг, и «плохой писатель» – как производитель «плохих». Предполагается, что может существовать некая «средняя», то есть не хорошая и не плохая книга, причём те, книги, которые «хуже» её, должны быть признаны плохими, а те, которые «лучше» – хорошими. Эта постановка знака практически не даёт представления об особенностях оцениваемого конкретного текста, но позволяет по контексту судить об оцениваемом его субъекте. В частности, о том, что у этого субъекта возникла необходимость разделить массив (ось, сферу, поле, множество) литературных произведений по декларируемому качеству. Такая необходимость возникает, как правило, у людей, ощущающих свою причастность к данному рынку.

В большинстве случаев основным критерием оценки произведения служит художественный вкус оценивающего. Индивидуальный вкус поддаётся формированию. Общественный вкус поддаётся давлению. Художественный вкус человека, назначенного на некую связанную с предметом оценки должность, становится, при отсутствии других более весомых факторов, результирующим для выставления знака «хорошего» или «плохого». Так, например, Никите Хрущёву понравился текст Александра Солженицына «Щ-854», опубликованный позже как «Один день Ивана Денисовича», и не понравились картины некоторых современных ему художников. Это помогло публикации книги и помешало выставке художников, но не повлияло на словесные формулы текста или на расположение мазков красок на холсте. До оценки влиятельным лицом и после неё оцениваемый предмет остаётся неизменённым, но его дальнейшая судьба во многом определяется этой оценкой. Иными словами, индивидуальный художественный вкус влиятельного лица оказывает давление на общественный вкус. Предлагаемая в связи с этим теорема: чем меньше такое давление, тем полнее массив (множество, содержимое сферы или поля) оцениваемого предмета и тем выше суммарное качество такого наполнения. Короче говоря: чем реже любым начальникам социума приходится оценивать литературу, тем лучше для литературы. Не их это дело, даже если они его по недомыслию любят. И даже в том случае, когда они оценивают какое бы то ни было произведение лишь положительно, директивная оценка сокращает спектр и снижает суммарное качество всего массива литературы по шкале общественного вкуса.

В мире существует громадное количество предметов и явлений, глядя на которые людям не приходит в голову требовать, чтобы эти явления были не такими, каковы они есть, или предпринимать действия для изменений этих явлений к лучшему. Вне оценки остается подавляющее большинство жизненных происшествий и повседневных событий – только потому, что в такой оценке не возникло нужды, для нее не было повода. Вынужденность оценки каче-

ства жизни свидетельствует о низком качестве жизни самого оценивающего по избранной им шкале. Так, живущие хорошо задумываются об этом реже, чем живущие плохо об этом говорят. Уж если пришлось задуматься о том, как мы живем – значит, мы живем не так хорошо, как хотелось бы. В случае литературы: оценка «Мне нравится эта книга (статья, текст)» заменяется оценкой «Это хорошая книга (статья, текст)». В первом случае оценивающий говорит о собственном мнении, во втором – об общем, неизбежно совпадающем с его собственным. Появление в статье, заметке либо обзоре эпитета, в превосходной степени описывающего качество некоей литературы, свидетельствует о недостаточном отображении этой самой литературой явлений жизни, важных для применившего эпитет. Кроме того, общий объем и величие литературы не обеспечивает качества отдельных произведений, точно так же как общие размеры страны не обеспечивают качества жизни ее обитателей. То, и другое мы хорошо помним и по Советскому Союзу, и по нынешней России.

Коммерчески успешная книга вполне может быть оценена неквалифицированным читателем как плохая. Собственная книга (написанная им самим или хотя бы ему принадлежащая) может быть оценена им как безусловно хорошая. С ростом квалификации читателя слова «плохая» или «хорошая» (оценка по качественному показателю) заменяются словами «мне нравится» или «мне не нравится эта книга» (оценка вкусовая). И здесь возникают вопросы, которые читателю следует адресовать самому себе: «Может ли мне понравиться плохая книга? И может ли не понравиться хорошая?» С утвердительными ответами на такие вопросы растёт понимание читателем литературы.

Еще одна теорема связана с обучением восприятию самого изучаемого предмета. В школе нам внушали, что литература – это структурированная система, иерархическая, пирамидальная, вертикально выстроенная, имеющая условный «верх» и «низ», причём чем выше по уровню пирамиды находится автор, тем более «хорошими» следует считать его произведения, и тем меньше авторов оказывается на данном уровне. На вершине пирамиды было место лишь для одного автора, и там учителя располагали Александра Пушкина. А если педагоги допускали (как правило, в старших классах) разделение литературных умений по жанрам, то на вершину допускался ещё один автор – Лев Толстой (и не потому, что его имя коротко). Так что выходило: поэт – Пушкин, прозаик – Толстой. Все изучаемые в программе произведения следовало считать безусловно «хорошими», поскольку они централизованно выбраны для изучения и внесены в учебник. Литературные же достоинства самого текста учебника никак не оценивались, но предполагались достаточными для скромной ему похвалы.

Такое восприятие вполне успешно прививалось учащимся, которые не беспокоились ни о судьбах литературы, ни о методах ее преподавания, ни о литературном процессе. С таким восприятием школьники уходили в дальнейшую повседневную жизнь, и те, кому не приходилось в жизни непосредственно сталкиваться с литературными задачами, сохранили его неизменным до самой смерти. Для тех же, кому пришлось подобные задачи решать (компилировать словесные формулы, изготавливать новые тексты, размещать их в информационных ресурсах или хотя бы давать им оценку), возникла некоторая сложность: в жизни они столкнулись с ситуацией «ровного поля»; с положением, в котором неприменим изученный в школе пирамидальный масштаб и не действует иерархия. Когда приходится оценивать конкретный текст по соответствию его словесных формул не обозначенной, но ощутимой задаче, либо когда приходится иметь дело с пока живым автором и реальным материалом, величие Пушкина помогает мало. С вершины огромной пирамиды чрезвычайно трудно сравнить размеры объектов, находящихся у подножия, даже если одни из этих объектов в несколько раз крупнее других. А сравнивая объекты, находящиеся на одном условном уровне, крайне неудобно всякий раз измерять расстояние от них до вершины пирамиды, тем более что погрешность измерения превышает размеры этих объектов. Оказываясь в столь сложном положении, неквалифицированные оценщики, не умеющие перейти в структуру «ровного поля», используют подвиж-

ную, растяжимую шкалу, на которой ими нанесены три деления: вкус самого оценивающего (по умолчанию считается достаточным для решения любой литературной задачи), оцениваемый предмет или автор и точка литературной пирамиды, расположенная на одном из верхних уровней. Вместо оценки произведения по соответствию задаче и фиксируемым критериям возникает сравнительная оценка, сопровождаемая поиском соответствий оцениваемого текста или автора с верхней точкой шкалы. Наглядные примеры этого можно видеть довольно часто. Например, в любительских литературных объединениях, в соответствующих тусовках или в критических отзывах, как журнальных, так и частных, частных. Текст, написанный для того только, чтобы автор имел возможность огласить его в литературном объединении или разместить на интернет-ресурсе, оценивается не по соответствию своей задаче (которую он полностью выполнил и тем самым исчерпал), а в качестве попытки потрогать общественному вкусу. В результате такой операции оценивающие создают новые словесные формулы, столь же осмысленные, как и послуживший поводом для обсуждения текст, и столь же продуктивные. Как сказал бы учитель математики, в подобном случае функция стремится к нулю. А теорема литературы, которую, как мне представляется, можно вывести из изложенного, такова: «Всякая литературная ситуация, представленная в пирамидальной структуре, может быть равно достоверно представлена в структуре ровного поля».

Изучение векторной алгебры также может помочь пониманию литературы, – если этого пожелать, конечно. Итоговый текст доходит до аудитории как неподвижный и неизменяемый (скалярный) объект, фиксированный в словесных формулах, определённый в жанре и теме, изготовленный способом, удобным для ознакомления, и на том носителе, который адекватен технологическому уровню общества: будь то покрытые воском таблички, пергамент, бумага или экран электронного устройства. Но при его изготовлении и в процессе «доведения» до аудитории на текст действовало множество направленных (векторных) влияний. Некоторые из них непосредственно связаны с автором, другие совершенно от него не зависят. Следует учитывать и особенности контекста, в котором данный текст существует. Векторные влияния контекстуальных обстоятельств способны изменить любые параметры текста. В первом приближении можно утверждать, что итоговый, дошедший до стороннего непредвзятого читателя текст есть результат многочисленных направленных воздействий, остающихся для него неизвестными (поскольку он сторонний и непредвзятый). Точные словесные формулы, описывающие общий или частные случаи связи контекста с текстом, ещё ждут своих составителей. Как образец подобной частной формулы напомним афористичное описание метода социалистического реализма: «Соцреализм есть воспевание деятельности руководителей коммунистической партии понятным им способом». К счастью, актуальность метода соцреализма уже лет двадцать как утрачена; но литература-то осталась.

Автор, создавая и фиксируя произведение, находится под влиянием двух несовпадающих поведенческих импульсов. Первый из них стимулирует его собственное желание создавать словесные формулы и записывать текст, вне зависимости от того, каким образом эта запись скажется на его личной судьбе. Второй же импульс есть формализованный либо обоснованный внутренне социальный заказ на создание именно такого текста. Обнуление первого импульса можно видеть на примере значительного количества «заказных» литературных произведений. Обнуление второго импульса можно видеть на примерах уничтоженных добровольно или принудительно текстов, которые оказались недоступны даже для самой любознательной аудитории. О существовании таких текстов исследователи иногда узнают, но обнаружить сами материалы удаётся только после кропотливого поиска, если удаётся вообще. Максимальное значение первого импульса проявляется, когда угроза обнаружения фиксированного текста грозит стоить жизни автору. Максимальное значение второго импульса проявляется в успешной работе неискренних публицистов или «литературных негров». Эти импульсы, как правило,

разнятся по силе и направлению, а при сложении их векторов образуют некий суммарный текстовый итог, вышедший из-под пера автора в литературное поле прочих влияний.

Один из частных примеров: ни в школе, ни в вузе (а я учился в Московском Литературном институте) никто из преподавателей ни слова не говорил нам о «методе собаки» (подробнее о нём смотри далее). Между тем такой приём, предусматривающий предварительное внесение удаляемого элемента, иногда применяется. Если выполненный по этой методике трюк пройдёт успешно, аудитория получит именно то, что задумано автором первоначально. А если нет? В этом случае аудитория рискует получить либо текст с «собакой», которая станет интегральной частью произведения, либо вовсе остаться без текста, если «собака» окажется слишком «жирной». И риска этого совершенно не осознаёт.

Но это – начала алгебры. А сколь упоительна арифметика предмета, особенно арифметика экономики литературы! Если бы за эту работу был предусмотрен хоть какой-либо гонорар, я постарался бы гораздо подробнее развить данный раздел. Увы, за всё время литературной деятельности в эмиграции (более двадцати лет) я не сумел отыскать такой печатный орган или интернет-ресурс, который платил бы незнакомому автору за присланный «самотёком» текст. Говорят, такое случается в англоязычной среде. Возможно. Но в русскоязычной – увы, не встречал.

Арифметические задачи в неявном виде присутствуют не только в экономике литературного рынка, но и в других его сферах. Именно арифметика поможет лучше понять литературный афоризм «Если в книге 80% правды, то она на 100% лжива». К счастью, не изобретён ещё правдометр, подобный спиртометру для содержащих алкоголь жидкостей. Опустил прибор в книгу – и получил коэффициент правды. В роли такого прибора обычно выступает художественный вкус. И он градуирован не универсально, а по личности оценивающего.

Но применение хотя бы арифметики очень полезно литературе. К примеру, видел я недавно знакомого израильтянина, говорящего по-русски, который позиционирует себя как писателя. Несколько книг он напечатал в местных типографиях за свой счёт, а позже благодаря определённым политическим связям сумел обеспечить публикацию своих опусов в России, правда, не в Москве, а в провинциальных издательствах. «У меня уже одиннадцать книг вышло!» – похвастался он. Число я запомнил и вскоре после того встретил другого говорящего по-русски израильтянина, тоже позиционирующего себя как писателя. Остановились перебраться двумя-тремя словами о литературе. «Знаешь, у этого одиннадцать книг уже вышло, – сказал я, – а как-то отражения на литературном процессе совсем незаметно». «Это чепуха! – ответил мой собеседник. – У меня уже шестнадцать книг вышло!» Я поздравил его и ушёл, радуясь, что никакая сила не заставит меня их читать. Но подумал, уходя: каким чудесным аргументом в пользу эмиграции такая арифметика служить может. В России, откуда родом один, и в Украине, откуда приехал другой, вряд ли они за двадцать лет выпустили бы больше трёх книг. Ну, в крайнем случае – пяти. Не по средствам было бы. Но одиннадцать! Но шестнадцать! Вот какова польза эмиграции, которую в данном случае для этих авторов я не смею назвать репатриацией, потому что все свои книги они выпустили на языке той страны, из которой уехали. Их тщеславие потешено, а отражение этих книг на литературном процессе я по слабости зрения заметить не в состоянии. Как сказал бы уже упомянутый учитель математики: в этом случае функция стремится к нулю.

В иерархической системе 16 выпущенных в свет книг, безусловно, лучше 11, а 11 лучше 3 уже только потому, что больше. В системе «ровного поля» 16 по-прежнему остаётся больше 11, но качественной или сравнительной оценки нельзя вынести, не видя самого предмета обсуждения: все эти кажущиеся на первый взгляд однородными предметы (книги) при рассмотрении оказываются разнородными и несопоставимыми. И несчастье некоторых авторов в том, что они пытаются совместить во времени и месте обе системы. Это понуждает их к высоким расходам, а ситуацию приводит к забавным казусам. Мне довелось лично присутствовать

при беседе одного «плохого» писателя с сотрудником эмигрантской газеты на русском языке, освещавшим вопросы местной культурной жизни. Писатель напрямую пообещал журналисту деньги за то, что тот разместит с интересантом интервью в местной прессе, поставит хвалебные отзывы на нескольких интернет-ресурсах, а также даст наилучший отзыв о книгах этого писателя в радио или телепрограммах, в которых журналисту приходится иногда участвовать. Журналист согласился, и впоследствии я даже случайно услышал по радио его отзыв о «хорошей» книге писателя, которого точно знал как плохого, потому что имел неосторожность ознакомиться с одним из его текстов. Примечательно, что я до сих пор не знаю, заплатил ли писатель обещанную сумму, а зная его лично, могу заподозрить, что и не собирается платить. Таким образом, этому журналисту в качестве компенсации останется возможность либо избить писателя, если сил хватит, либо объявить в тех же средствах массовой информации его книги «плохими». Можно, конечно, сделать и то, и другое; а можно и ничего не предпринимать.

Некоторые поясняющие цитаты к предыдущей главе

Михаил Жванецкий написал о своём преподавателе литературы в школе рассказ «Учителю»:

«Борис Ефимович Друккер, говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий, кричащий на нас с седьмого класса по последний день, ненавидимый нами самодур и деспот, лысый, в очках, которые в лоб летели любому из нас. Ходил размашисто, кланяясь в такт шагам. Бешено презирал все предметы, кроме своего...

Мы собрались сегодня, когда нам – по сорок. «Так выпьем за Бориса Ефимовича, за светлую и вечную память о нем», – сказали закончившие разные институты, а все равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нем, – сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишут без единой ошибки. – Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык – его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»»

Удивительный в своей простоте и доступности пример словесной формулы из книги Юрия Сухих «Русская литература для всех»:

«Отбор произведений, которые считаются классикой, производится не отдельными людьми по чьей-то директиве. Это результат совокупных усилий, которые называются историей».

Всё утверждение было бы с трудом мною терпимо, если бы не возвратный глагол. Некие прошедшие «отбор» произведения «считаются» классикой! Если происходит отбор, то есть и отбирающий. Природа производит естественный отбор (если верить современному учению дарвинизма), стало быть, вымерший вид отбора не прошёл. Значит ли, что сознательно уничтожая некий существующий биологический вид, человек делает благое дело, уподобляясь самой природе? Нет, конечно. Но при преподавании литературы именно так и делается. Декларируется, что сначала следует тщательно изучить «классику», а уж затем «не классику»; после чего декларируется, что «отбор произведений классики производится не отдельными людьми», а историей. Благодаря этим двум формулам время изучения «неклассики» не наступает никогда, потому что и десяти или одиннадцати школьных лет не хватит, чтобы изучить хотя бы малую часть «классики». Благодаря им же остаются неизвестными имена людей, производящих отбор «классики». Но здравый смысл позволяет установить их категорию, так сказать – производственную принадлежность. Это серединного уровня помощники и сподвижники правителей, уполномоченные властью предрешающими на деятельность в данной сфере производства.

По поводу доступности книг для читателей и многих частных вопросов насильственного усечения литературы рекомендую книги Арлена Блюма, например «От неолита до Главлита». Эти книги можно найти в Интернете, в частности на сайте <http://romanbook.ru/author/314402/>. Почитайте. К огромному прискорбию, Арлен Викторович Блюм умер в 2011 году.

Приведу несколько цитат о «плохих» книгах, «плохих» писателях, арифметике и математическом подходе.

Из книги Григория Свирского «На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946—1986»: «...Обсуждался, скажем, чудовищно плохой роман Федора Панферова „Волга-матушка река“. „Литературная газета“ опубликовала обзор писем читателей. Было процитировано 13 положительных отзывов и чуть поменьше – отрицательных. Словом, книга как книга. Никакого скандала! Каков же был конфуз, когда выяснилось, что редакция получила более тысячи негодующих писем и только... 13, одобряющих роман. Негодование читателей скрыли, а 13 положительных увидели свет как „мнение народа“. Но всё скрыть было уже невозможно».

В книге Льва Копелева и Раисы Орловой «Мы жили в Москве» Орлова пишет:

«Алиханян предложил мне прочитать лекцию о Хемингуэе в клубе физиков. Он сидел в первом ряду, задавал много вопросов, щеголяя своей осведомленностью. Он сам много знал об Америке. А меня дразнил: «Почему вы принимаете за данное, что Хемингуэй – хороший писатель? А я считаю, что он писатель плохой, докажете обратное».

Я злилась и не умела скрыть этого.

Потом он позвонил в гостиницу: «Давайте мириться, приходите на вино».»

Не правда ли, какое занятное столкновение подходов профессионального физика и профессионального литератора.

Ещё фрагмент – из книги Сергея Довлатова «Филиал»:

«Потом я услышал:

– Вот, например, Хемингуэй...

– Средний писатель, – вставил Гольц.

– Какое свинство, – вдруг рассердился поэт. – Хемингуэй умер. Всем нравились его романы, а затем мы их якобы переросли. Однако романы Хемингуэя не меняются. Меняешься ты сам. Это гнусно – взваливать на Хемингуэя ответственность за собственные перемены.

– Может, и Ремарк хороший писатель?

– Конечно.

– И какой-нибудь Жюль Верн?

– Ещё бы.

– И этот? Как его? Майн-Рид?

– Разумеется.

– А кто же тогда плохой?

– Да ты».

О «методе собаки» и влиянии руководящего мнения на текст:

«Активными борцами с политической цензурой были советские диссиденты. Основным методом распространения информации был самиздат... Известен также ряд случаев литературных мистификаций, когда авторы выдумывали якобы переводной источник. В частности, поэт Владимир Лифшиц придумал некоего английского поэта Джеймса Клиффорда, якобы погибшего в 1944 году на Западном фронте, переводы из которого он печатал, хотя это были его собственные стихи. Так же поступил поэт Александр Гитович, сочинивший имя «французского» поэта и печатавший свои произведения под этой маской. Булат Окуджава назвал одно из лучших своих стихотворений «Молитва Франсуа Вийона», поскольку был уверен, что по-другому цензура ему не пройти.

Ещё одним методом обхода цензуры был так называемый «метод собаки». Он заключался в том, чтобы включить в произведение очевидно нелепый и привлекающий внимание цензуры яркий эпизод, в результате чего мелкие нюансы цензура не замечала. В частности, таким способом был почти полностью спасён от цензурных правок фильм «Бриллиантовая рука», в который режиссёр Леонид Гайдай специально включил в конце ядерный взрыв. Комиссия Госкино пришла в ужас и потребовала убрать взрыв. Посопротивлявшись для вида, Гайдай взрыв убрал, а фильм остался «неиспорченным» цензурой, на что Гайдай и рассчитывал. Впрочем, фильму всё равно не удалось избежать внимания цензоров к остальным деталям, но некоторые претензии были сняты.

Ещё об одном варианте преодоления цензурных запретов в кино рассказал режиссёр детского музыкального фильма «Приключения Петрова и Васечкина» Владимир Алеников. В 1983 году после отказа со стороны всех инстанций он сумел пригласить на просмотр фильма дочь Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова Ирину, работавшую заместителем главного редактора журнала «Музыкальная жизнь». Одного лишь известия о предстоящем просмотре хватило, чтобы фильм был немедленно поставлен руководством Гостелерадио в программу Центрального телевидения».

(С сайта <https://readtiger.com/wkp/ru>)

Дмитрий Бобышев «Я здесь (человекотекст)». Книга вторая, «Автопортрет в лицах»:

«...для защиты своих находок и задумок наши либералы обводили его с помощью так называемого „голубого зайца“. В чём этот приём состоит? Он очень прост: в сценарий закладывается какая-нибудь заведомая нелепость. Она тот самый „голубой заяц“ и есть. Проверять, натурально, сразу на него глаз и кладёт: а при чем тут заяц? Ах, извините, мы его вычёркиваем. Начальство успокаивается, и остальной материал проходит. Добавлю сейчас, что этот заяц существует и в английском, только он называется в обратном переводе „красной селёдкой“! Это может вызвать философский вздох: не всё ли в мире устроено одинаково? Нет, не всё. Краски. Краски – разные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.